

Империя Шион, город Моор

Зима нехотя отступала, и все ее последние дни пахли стылой свежестью, словно вымороженным бельем. С каждым днем становилось все теплее и теплей. Воительница-весна все напористей теснила свою белолицую сестру, и это будоражило Шион. Ведь, как известно, весна — лучшее время для найма. В шумных многоголосиях базаров, бессчетных трактиров, харчевен и кабаков множились, бурлили слухи о предстоящих походах, будто кто-то омолодил старый эль, подбросив в него забористых дрожжей...

Предчувствуя грядущее, суровые мужи этого края уже вострили мечи, вдыхая привычные и бодрящие запахи масла и стали. Война для Шионцев была делом хоть рутинным, но прибыльным, это совсем не то, что ходить за сохой.

И если вам привычен размен крови на золото, конечно же, место ваше здесь — в столице наемников городе Моор.

Императору Шиона не спалось. С недавних пор его любимой наложницей в постели стала сама королева раздражительности — сребровласая бессонница. Ночные танцы с Серым Червем уже не успокаивали свербящее нутро, необъяснимое беспокойство ни с того ни с сего накатывающее на самодержца. Даже любимый меч не доставлял уже того восторга, того горения, после которого он спал как убитый.

Посреди ночи Царь-воитель, покоритель народов и тысячи городов, раскинув руки, лежал навзничь прямо в своей парадной приемной. Уставший, потный и раздраженный. Этого человека природа одарила сполна: он был высок, умен и хитер, как старый лис, переживший не одну травлю. Да и сама внешность императора впечатляла, будто сошедшая с древних гравюр повелителей Сэрамэ. Иссиня-черная, блестящая борода, вся в мелкий завиток — настоящий шедевр придворного цирюльника, обжигающие стыню глаза цвета надломанного обсидиана, прямой, как киль ладьи, нос, густые соболиные брови, высокий лоб в обрамлении гривы волос, убранных в замысловатый клубок.

Все последнее время Хозяин Шиона будто кожей чувствовал приближение чего-то большого и значимого. Эти-то предчувствия и не давали расслабиться, будто свора собак, обложившая его нору. Здесь же, в месте славы — его славы, — он всегда ощущал себя лучше; все напасти в этом зале воспринимались по-другому, они, будто побежденные враги, так или иначе рассеивались и бежали, бежали...

И было отчего. По стенам округлого зала, будто сплетенным из узоров кованого золота, расположились стяги поверженных армий, на постаментах покоились коронованные головы побежденных правителей. Но главное — в этом поистине потрясающем храме кровавой алчности стоило поднять голову и глянуть на свод, как открывалось совершенно иное, дивное зрелище: огромная рельефная карта всей империи, выложенная из драгоценных камней и слегка подсвеченная эльфийским огнем. Огромными изумрудами светились города, от них рубиновой паутиной разбегались имперские тракты, алмазами блистали заснеженные горы, голубыми аметистами переливались моря и реки.

Император Сатар Серый Червь любил эти палаты, здесь он принимал послов, и, естественно, в этом месте они становились сговорчивее. Здесь же, потушив нижний свет, он любил упражняться с мечом, а после, откинувшись навзничь, взирать на свои владения и предаваться воспоминаниям. Нет, не красоты резных холмов Горредии или величественные водопады Флайха рисовались его воображением, — нет. Ему чудились походные костры, блеск мечей и

грохот битв.

— Война?! — неожиданно крикнул император в мерцающий в вышине свод.

— Война! Война! — поддержало его кровожадное эхо.

С каждым мирным годом правителю Шиона все отчетливей виделось, как устоявшаяся, постная жизнь медленно, но верно пожирает его величие. Вот отсюда из этого корня и произрастали все его сорные, горячечные мысли о большой войне на востоке. Последнее время они все чаще посещали императора, несмотря на незыблемые, остужающие доводы осторожного, опытного воителя, знавшего, что Восток — это Иврия, а Иврия — это земля без края, это неприступные города-крепости, наконец, это лучшая армия мира. Но не только эта раздвоенность питала его ночные метания и бессонницу. Его родная сестра, его надежда — Алия Огненный Цветок, — с рождения наделенная ужасающей силой боевого мага, предала и бежала. И скорей всего не без помощи тех же ненавистных ему правителей Иврии. Сатар понимал: чтобы стать царем царей ему необходимо не просто урвать кусок-другой от этого пирога — самой большой равниной империи. Ему надлежало сожрать эту неприступную Иврию полностью, без остатка. И, что немаловажно, найти и казнить беглянку-сестру, могущую заявить о своем праве на трон Шиона. Лишь в этом случае победа будет полной, тогда и остальные правители Сэрамэ приползут к нему на брюхе.

Получив великолепное образование Сатар хорошо знал, что за всю историю Сэрамэ поколебать Равнинную Империю удавалось лишь Темным Владыкам — хранителям Темной книги. Вот и искал ее с фанатичной целеустремленностью, не жалея ни сил, ни средств, все эти годы после восшествия на трон. Двадцать пять лет поисков уж канули в лету, а в сухом остатке лишь гора допросных свитков несчастных, имевших неосторожность утверждать, будто что-то знают.

— Где же ты?! — разнесся многократно возвращенный эхом отчаянный крик императора.

Из подступающего приступа отчаянья Сатара вырвал легкий, как вздох ребенка, смех. Вскрикнуть и поднести руку к мечу он успел, но не более, — мелькнув отточенными гранями, короткий трезубец намертво прибил его к холодному граниту пола. Нагая убийца, похожая разом на цветок и хищную тварь, сокрушенно тряхнула кудрями, будто осыпанными мелкими бриллиантами.

— Что за привычка у вас, людишек, чуть что, хвататься за железо? — Рука умирающего конвульсивно дернулась, но еще крепче сжала рукоять меча. Такая непреклонность, видимо, понравилась ночной лазутчице: ее лицо до того ледяно беспристрастное будто оттаяло. С игривой усмешкой она потрепала растрепанную шевелюру императора, наклонилась и, едва касаясь губами уха умирающего, прошептала — будто жизнь вдохнула:

— Находку не упusti и убей мне этого выродка — Стрижа еще не рожденного!

Сияющая красота отстранилась, лучезарно улыбнулась и, с шутливой легкостью выдернув трезубец, пропала... Распростертый на полу едва расслышал: «Живи, паучок! Живи! И смотри, не разочаруй меня!»

Вновь раздался эфемерный смех, и в воздухе, благоухая, закружилось несколько лепестков ночной фиалки. Сатар натужно, сквозь сжатые зубы вдохнул — ничего не случилось. «Почему я еще жив?» В глазах прояснилось, он ощупал себя: смертельных ран не было, немного свернувшейся крови и три розовых шрама в размер золотого империала расчертили его развитую грудь. Император захрипел и перекатился на живот. Поверить случившемуся было

сложно, но три округлых пролома в гранитной плите от трезубца в багровых подтеках его крови говорили: это реально.

Сил хватило лишь выдохнуть:

— Маара!

Раздался короткий скрип. Через тайный ход в пространство зала ворвался осторожный Бобо по прозвищу Ну-Ну. Этот немой телохранитель слыл не только искуснейшим воином. Император ценил его за преданность и острейший ум, хотя простоватый вид увальня-гиганта скорее говорил об обратном. Многих, тех, что сейчас лежат на погосте, обманула эта неуклюжая личина. Когда требовалось, этот верзила был дерзок, быстр и ловок как ласка.

— Н-ну-у?! — даже как-то взвизгнул Бобо, скосив челюсть, зыря по сторонам. Он мог произносить лишь этот звук, больше похожий на мычание. Остальное с лихвой дополняли живая мимика, тонкое умение использовать интонации и бесподобное знание Ариго — боевого языка жестов и поз. Сатар, учащенно дыша, одними глазами указал на закрытые парадные ворота. Судя по донесшемуся грохоту, их уже пыталась брать тараном забившая тревогу охрана. Преданный слуга понимал хозяина без слов. Впечатляющий вид до зубов вооруженного носорого-человека с жуткой гримасой на том, что выглядывало из-под шлема, заставил ночную охрану успокоиться и без лишних вопросов разбежаться по своим постам. Раз «Немой меч» рядом с Императором — он все уладит.

Главный телохранитель знал, что делать: будто пушинку подхватив хозяина, он исчез в тайном проходе. До Башни Грома верзила в металле добежал так быстро, что сердце не успело ударить тысячу раз. В покоях императора он, не слушая возражений, уложил обессиленного в постель. В такие моменты, когда на лице Ну-Ну читалась такая непреклонная, каменная упертость, даже император знал: лучший слуга делает свою работу, стоит помолчать. Гигант внимательно обследовал грудь хозяина и, убедившись, что там лишь темные сгущающиеся пятна свернувшейся крови, облегченно выдохнул, мимолетно показав лежавшему на Ариго: нет причин для беспокойства. Ровные кубики льда, выложенные на грудь, скоро сняли жар. А когда гора-врачеватель решил, что холода достаточно, он осторожно растер хозяина янтарным Ди-Вэль-Ди — драгоценным эльфийским уксусом. И только после того, как почти насильно напоил пострадавшего горячим Табом — отваром кипрея, — терпеливо выслушал его невероятный рассказ о произошедшем этой ночью в парадном зале. Гигант удержался и сумел дослушать до конца, только после замычал, вскочил, несколько раз подпрыгнул, как это обычно делают дети, когда безмерно радуются, правда, на порядки тише. Природа ведь не рассчитывала, что подобные восторженные подскоки может проделывать носорог, обряженный в трехслойную кольчугу. Шумно дыша, будто раздувая мехи в кузне, сняв с бычьей шеи амулет с небольшим кулоном в виде нагой танцующей богини Маары с поднятым трезубцем в руке, Ну-Ну значимо указал на него пальцем.

Сатар кивнул и, просияв лицом, шумно вздохнул, словно хотел еще раз уловить тот тонкий магически притягательный запах, исходивший от богини. Перед глазами встали ее умопомрачительные формы. Император даже не обратил внимания, что его слуга от вторичного приступа радости безвозвратно снес несколько колонн, он бы и сам был не прочь разрушить парочку городов по такому случаю. И все же, он не выдержал и расхохотался, хватаясь за грудь. На лице его любимого громилы, блуждала такая дикая улыбка, которую, если бы увидела заря, то солнце, пожалуй, могло и не взойти.

«Большие перемены», — показал немного успокоившемуся Ну-Ну на Ариго, тот будто взял след, раздувал ноздри, выдыхал и вдыхал упоительный воздух в котором уже витал запах

времени мечей и копий. В этом они были очень похожи: император Шиона и его немой слуга, к ним обоим, словно по волшебству, вернулось хорошее настроение, а вместе и радость предвкушения смысла бытия — Войны.

— Давай, зови этого Козла Сушеного, охрана втихую вроде так моего мага кличет.

— Ну-у-у-у, — удовлетворенно затянул Бобо, расплываясь в оскале и тяжело, с грохотом бросился в двери. Императора это не удивило, он уже давно привык к резким стремительным действиям своего слуги. В голове всеильного правителя продолжало набатом греметь напутствие всеильной богини: «Находку не упусти и убей мне этого выродка — Стрижа еще не рожденного!» Про находку он пока еще ничего не понимал, а вот насчет упомянутого стрижа у него были кое-какие предположения.

<http://tl.rulate.ru/book/15400/304827>